

«Я могу сыграть все...» —

так уверенно заявляет о себе актер театра на Таганке

«Это актер театра на Таганке
Феликс Антипов, позерьте мне, очень
хороший актер. Очень музыкальный».
Ю. П. Любимов из выступления в ЛДМ
5 апреля 1989 года.

Кому посчастливилось видеть спектакли Таганки, согласятся с такой оценкой Любимова. Один из ведущих актеров театра, занятый в большинстве спектаклей, играющий с одинаковым блеском Подсекальников, главную роль в последней премьере «Самоубийца» и полицейского в «Добром человеке из Сезуана», самом первом спектакле театра, в массовке «Бориса Годунова» и председательствующего за пиршественным столом, Феликс Антипов сразу выделяется даже среди таких замечательных актеров, как актеры Таганки. Виртуозное владение многими инструментами (Антипов играет даже на пилю, в спектакле «Борис Годунов»), необычный голос, море обаяния — вот характерные черты этого актера.

— Первый традиционный вопрос. Что вы заканчивали и когда пришли в театр?

— Заканчивал Щукинское училище. Я еще учился и уже работал в театре, Юрий Петрович приходил к нам, смотрел и уже в марте 68-го года, даже раньше, я репетировал Мотякова. Так что это была моя первая роль.

— А какие роли были потом?

— Потом был «Тартюф», он тоже идет.

— И сразу главная роль?

— Может, я бы и не получил главную роль, но тогда ушел Губенко, и так получилось. Потом я репетировал «Зори», но заболел, дальше был Быков — «Перекресток», сейчас уже не помню, в каком это было порядке.

— А какая самая любимая роль?

— Любимая? Обычно великие артисты, великие писатели говорят: «Вот роли, они как дети, они все любимые». Да нет у меня никаких любимых, ну играю и играю, вот что последнее — то и любимое.

— Феликс Николаевич, вот вы

должны были с Глаголиным написать инсценировку по «Москва — Петушки». Сб этом подросбеж можно?

— А мы действительно начали. Как я попал в это дело? Просто мы дружили с Ерофеевым, и у меня очень много материалов, и я с вдовой его встречаюсь. И моя функция скорее даже собирать материалы, но вот так сидим, обсуждаем. Но, кстати, сейчас мы уже немножко переиграли, потому что «Москва — Петушки» оказалась настолько цельной вещью, что добавлять еще что-то из его последних вещей... Ну просто никак не совмещалось, и мы решили немножко переделать, у него есть такая последняя незаконченная пьеса «Фанни Каплан» и есть одна работа, которая называется «Моя маленькая ленинградка» и мы решили вот это теперь соединить. Вот не знаю, что получится.

— Когда примерно это может быть?

— Да мы только бросили «Москва — Петушки», только начали это. Так что неизвестно, что когда сложится.

— Ну естественно, я не могу не спросить про Высоцкого.

— Про Высоцкого. Уже столько про него рассказано, и столько у него друзей, и столько самых близких...

— Я же спрашиваю про театр. Вы вместе играли и в «Гамлете», и в «Вишневом саду», и так далее. И может, были какие-нибудь интересные случаи?

— А вот потрясающий был один случай. Сцена могильщиков. Выходим мы с Рамзесом, потом он уходит, и я пою песню:

Не чаял в молодые дни
Я в девушках души,
И думал,

только тем одним
Они и хороши.

И тут, значит, выходит Рамзес, приносит вторую бутылку и должен выходить Гамлет с Горацио, а их нету. Мы с Рамзесом, поскольку делать-то нечего, выясняем, сколько стоит сейчас водка, где ее лучше достать, потому что нету их на сцене, трагически опаздывают. В общем, Рамзес сбежал еще раз за бутылкой, пошел их искать, не нашел, возвращается. Даже если бы это прошло всего пять минут, на сцене это огромное время. Ну, в общем у нас волосы дыбом, неизвестно, что делать.

Вдруг с другой стороны, не там, где они должны были быть, а с другой стороны совершенно, появляется Высоцкий с Филатовым. И вместо того, чтобы им начать текст сразу после того как появились, потому что уже прошло столько времени, они потихоньку, на цыпочках проходят через всю сцену, как будто их не видит никто. Они от ужаса, от страха, от зажатости становятся на ту сторону сцены и только оттуда, уже со своей мизансцены начинают говорить. Это, конечно, было потрясающе. Вот этот проход тихо тихо, на цыпочках, перед зрительным залом через всю сцену выглядел, конечно, безумно. Вот такой странный какой-то непонятный балет. Вот до чего можно испугаться.

Вообще «Гамлет» был хороший спектакль, и Володя последние спектакли играл прекрасно. Видимо, какое-то ощущение мистики, конца, намерение, есть. Последние спектакли были просто великолепные. Вообще актер он был, так сказать, не знаю, может быть, поэт или певец. Собычно он не потрясал какими-нибудь сценическими открытиями. Но вот в «Гамлете» последние спектакли это было просто поразительно. Была какая-то проникновенность, какая-то сосредоточенность и глубина. И вообще, хороший, конечно, был спектакль, и очень новый по своей эстетике. Я там еще играл на контрабасе, там был оркестр, когда выходили актеры.

— А почему сейчас в «Высоцком» нет сцены с контрабасом. Была же замечательная песня.

— Я не знаю. Когда начали восстанавливать, с Колей Губенко как-то не пошло, Коле что-то не очень нравилось это.

— Очень жаль. А на чем вы еще играли?

— Я играл на барабанах в «Принцессе Турандот»... и на чем только я не играл в театре. Да-

«Живой»: Феликс Антипов — Мотяков и Валерий Золотухин в роли Кузькина. Фото С. Курочкиной.

Фрагмент спектакля «Самоубийца» по пьесе Н. Эрдыман. В роли Подсекальников — Ф. Антипов, Марию Лукьянову исполняет М. Полицеймако. Фото Н. Маланиной.

же когда я служил в армии, причем в Ленинградском военном округе, и вот всю эту дорогу, все замечательные русские места от Ленинграда до Выборга и местечки всякие типа Сортавала, везде переиграл: и похороны, и свадьбы, и танцы, и что угодно. — Вы заканчивали музыкальное училище?

— Учился, но я не закончил, бросил. Потом сам ковырялся.

— Половина театра — музыканты. Любимов специально так подбирал!

— Нет, ну, наверно, не специально, просто ему нравится, когда есть и то, и другое, и пятое, и десятое — все есть.

— Феликс Николаевич, почему вы практически не снимаетесь в кино?

— Ну, во-первых, большая нагрузка в театре, а во-вторых, что-то не очень хочется. Я, кстати, вот в Ленинграде снимался, у Авербаха, был такой фильм «Драмы из старинной жизни», это по Лескову «Тупейный художник». И вот я там играл попа, который предаст этих молодых людей. Вот это была моя первая роль в кино.

— Где-нибудь еще снимались? — Да больше нигде, вот в «Слуге» еще, в какой-то сказке. В «Сорочинской ярмарке» — это на телевидении, Веня Смехов делал — пожалуй, и все.

— Сейчас много разговоров вокруг театра, что вот он умер, что уже что-то потерялось, спектакли разваливаются.

— Спектакли иногда идут очень хорошо, иногда не очень. Это ж такое дело. А разговоры... умер, да нет, вряд ли он умер. Конечно, дело в другом, театр живой организм, бывают болезни. Сейчас такой период, даст Бог, переживем.

— Что-нибудь сейчас репетируете?

— Пока ничего, ждем Любимова.

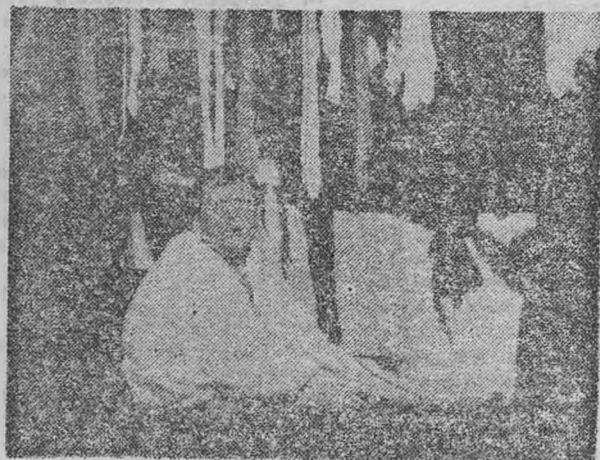
— Что бы хотелось сыграть?

— Что дадут, то и сыграю.

— А нет ли какой-нибудь мечты, как, скажем, у Демидовой — Гамлета?

— Да нет, какие там мечты. 20 с лишним лет я уже в театре — что будет, то и сыграю. Все что угодно: Демидова — Гамлета, а я — Офелия.

— Это было бы замечательно. Последний вопрос: когда наконец театр присядет в Ленинград? — Возможно, приедем в ближайшее время.

Сцена из спектакля Театра на Таганке — «Самоубийца». Подсекальников — Феликс Антипов. Фото Н. Маланиной.

Фрагмент спектакля «Живой». Ф. Антипов — Мотяков. С. Парада — Тимошкин. Фото С. Курочкиной.

Интервью провела
студентка ЛЭТИ
Виктория ЧИЧЕРИНА

197022, ЛЕНИНГРАД,
ул. Проф. ПОПОВА, 5.
ЛЭТИ
имени В.И.УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА),
III корпус, I этаж, комната 14
городской: 234-84-05
местная: 403, 520